

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article

УДК 94(571.51/.52)

DOI: 10.36718/2500-1825-2026-2-103-111

Валентина Нестеровна Асочакова¹

Надежда Яковлевна Артамонова²

^{1,2} Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Республика Хакасия, Россия

¹ asocvn@mail.ru

² lazar1918@yandex.ru

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ХАКАСОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ФРОНТИРА

Христианизация коренных народов Сибири была средством инкорпорации нерусских народов в состав Российской империи. Она осуществлялась как централизованная, целенаправленная миссионерская деятельность Русской православной церкви (далее РПЦ), и как пассивный, нецентрализованный, неорганизованный процесс через контакты с русским населением в процессе совместной хозяйственно-бытовой, социально-культурной деятельности. В статье проанализированы природно-географические условия, геополитическое положение, миграционно-колониционные процессы, религиозный ландшафт, местное самоуправление в Хакасско-Минусинском крае. Исследовано взаимовлияние и взаимодействие различных социокультурных и религиозных типов культур (аборигенного, старожильского, переселенческого) в приграничной, открытой для миграций территории. В результате освоения территории к концу XIX в. в этносоциальной структуре населения стало преобладать пришлое население, а доля автохтонов сократилась до 17 %. Возникли зоны внутреннего и внутрицивилизационного фронта – смешанные хакасско-русские поселения. Приходские общины РПЦ в Хакасско-Минусинском крае формировались в контактных зонах, поэтому в одном приходе оказывались разные этнические, социальные группы населения, нарушалась изолированность хакасских родов и сеоков. Авторы отмечают, что православные приходы в Хакасско-Минусинском крае являлись фронтиром, где происходило межрелигиозное, межэтническое, социальное и культурное взаимодействие и распространение православия. Обращение в христианство хакасов происходило не только и не столько в результате целенаправленной деятельности РПЦ, сколько посредством контактов коренного и пришлого населения в зонах «фронта».

Ключевые слова: Сибирь, Хакасско-Минусинский край, фронт, религиозный фронт, миграция, контактная зона, хакасы, Русская православная церковь, христианизация, культурный ландшафт, церковные приходы

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-10111 при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Для цитирования: Асочакова В.Н., Артамонова Н.Я. Христианизация хакасов в контексте теории фронта // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2026. № 2. С. 103–111. DOI: 10.36718/2500-1825-2026-2-103-111.

Valentina Nesterovna Asochakova¹

Nadezhda Yakovlevna Artamonova²

^{1,2} Khakass State University named after. N.F. Katanov, Abakan, Republic of Khakassia, Russia

¹ asocvn@mail.ru

² lazar1918@yandex.ru

CHRISTIANIZATION OF THE KHAKASS PEOPLE IN THE FRONTIER THEORY CONTEXT

The Christianization of the indigenous peoples of Siberia served as a means of incorporating non-Russian peoples into the Russian Empire. This was carried out through both centralized, targeted missionary activity by the Russian Orthodox Church (hereinafter ROC), and as a passive, decentralized, and unorganized process through contacts with the Russian population through joint economic, social, and cultural activities. The paper analyzes the natural and geographical conditions, geopolitical situation, migration and colonization processes, religious landscape, and local self-government in the Khakass-Minusinsk Region. The mutual influence and interaction of various sociocultural and religious cultures (indigenous, old-timer, and migrant) in a border area open to migration is examined. As a result of territorial development, by the end of the 19th century, the ethnosocial structure of the population became dominated by newcomers, while the share of indigenous people decreased to 17 %. Zones of internal and intra-civilizational frontier emerged – mixed Khakass-Russian settlements. The parish communities of the Russian Orthodox Church in the Khakass-Minusinsk Region were formed in contact zones, which brought together different ethnic and social groups within a single parish, breaking the isolation of Khakass clans and seoks. The authors note that Orthodox parishes in the Khakass-Minusinsk Region served as a frontier where interreligious, interethnic, social, and cultural interaction and the spread of Orthodoxy occurred. The conversion of the Khakass people to Christianity occurred not only and not primarily as a result of the targeted activities of the Russian Orthodox Church, but also through contacts between the indigenous and immigrant populations in these "frontier" zones.

Keywords: Siberia, Khakass-Minusinsk Region, frontier, religious frontier, migration, contact zone, Khakass people, Russian Orthodox Church, Christianization, cultural landscape, church parishes

For citation: Asochakova V.N., Artamonova N.Ya. Christianization of the Khakass people in the frontier theory context // Socio-economic and humanitarian journal. 2026. № 2. P. 103–111. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2026-2-103-111.

Funding: the study was funded by a grant from the Russian Science Foundation, project № 23-28-10111, with equal financial support from the Government of the Republic of Khakassia.

Введение. Христианизация коренных народов Сибири в имперской России была направлена на их ассимиляцию и интеграцию в православное российское общество. Ее формы и методы зависели от многих факторов: природно-географических, геополитических, этносоциальных, демографических, а также квалификации приходского духовенства, религиозных верований автохтонов, духовно-конфессионального окружения и т. д.

Современная историография разнообразна в теоретико-методологических подходах, включая концепции, основанные на американской теории «фронтiera» (Ф. Тернер, 1893). Теория позволяет изучить взаимовлияние и взаимодействие различных социокультурных и религиозных типов культур (аборигенного, старожильского, переселенческого) в приграничной территории, открытой для миграций.

Цель исследований – определение особенностей обращения в православие коренного населения Хакаско-Минусинского края в контексте теории фронта.

Теоретические основания. В начале 1990-х гг. историки стремились выйти из методологической изоляции и соответствовать тенденциям «интернационализации научного знания» [1, с. 3]. В течение трех десятилетий сложились научные школы, был накоплен опыт применения теорий в изучении различных проблем истории Сибири, появились обобщающие работы, посвященные анализу зарубежной, российской историографии [2–4]. В начале 2000-х гг. концепция фронта, разработанная Фредериком Джексоном Тернером, начала активно внедряться в российскую историографическую традицию, что стало важным этапом в осмыслении процессов колонизации и формирования национальной идентичности. Новосибирскими историками была разработана концепция «сибирского фронта» и соответствующего понятия [5, 6].

Исследователи выделили три стадии «фронтiera»: внешний, внутренний и внутрицивилизационный. Внешний фронтier – формирование контактных зон между пришлым и коренным этно-

сом, внутренний – процесс включения новых территорий в состав Российского государства посредством взаимодействия различных хозяйственно-культурных типов и этносов, внутрицивилизационной фронтier – формирование нового общества, либо нового варианта старой общности на основе различных типов взаимодействия [7, с. 101]. Красноярский историк А.С. Хромых рассматривал колонизацию как явление фронта [1]. В 2021 г. в Красноярске состоялась Всероссийская научная конференция «Пространства советского фронта», посвященная памяти профессора В.В. Гришаева. Докладчики продемонстрировали многообразие подходов к теории фронта, в т. ч. как «новый способ сборки исторического материала, один из форматов самопонимания истории», оценки и перспективы фронтирных теорий для изучения советской истории. Они отметили, что понятие «фронтier», как приграничная территория и зона нового освоения, достаточно хорошо проработаны, а социально-демографические и экономические его аспекты только начинают серьезно исследоваться [8]. Историк из Бурятии Н.И. Атанов с точки зрения фронта рассматривает «историю кяхтинского феномена». Он пишет, что Буринский договор от 20 августа 1727 г. и Кяхтинский трактат от 14 июня 1728 г. определили южную границу России с Китаем и условия русско-китайской торговли [9, с. 3–9].

В 2016 г. было инициировано сетевое издание «Журнал фронтирных исследований», которое с момента своего основания демонстрирует высокий уровень научной значимости и актуальности. Издание продолжает свою деятельность и в настоящее время, активно развиваясь и укрепляя свои позиции в академическом сообществе. Некоторые авторы в фокусе фронтирных исследований представляли миграцию, был выделен интересный аспект «ментальное переживание фронтирного состояния» в процессе и результате миграции [10, с. 11–15]. Фронтier как особая культурная модель разработан сибирским ученым И.П. Басалаевой. Н.С. Якушенков отмечает, что американ-

ский фронт — эталонная модель, но необходимо разработать типологизацию фронта на основе следующих маркеров: гетеротопия и трансгрессия. Первое является результатом встречи с новыми природными и культурными ландшафтами, второе — формированием новых культурных явлений [11, с. 288–298].

В последние годы теория фронта является основой исследований в разных отраслях гуманитарных и общественных наук. Она по-прежнему имеет широкие эвристические возможности в изучении разнообразных научных проблем. В.Н. Косторниченко анализирует ранее неизученные в отечественной историографии работы выдающихся представителей западной исторической науки, внесших значительный вклад в разработку понятия «фронт» [12].

Эвристические возможности теории фронта демонстрируют современные исследователи М.С. Топчиев, В.С. Дряглов, которые изучают понятие трансгрессии, как черту поведения, а пределом выступает фронт [13]. И.И. Юрганова считает, что «миссионерство размывало фронтные границы, но значительные территориальные просторы востока Сибири обусловили его специфику» [14, с. 32–41]. А.В. Овчинников, применяя инструментарий теории фронта, пытается выявить место этногенетики в изучении «воображаемых границ между представителями этнических групп, мигрантами и местным населением». Возможно, именно междисциплинарность фронтной теории позволит опровергнуть тезисы о необходимости «сохранения структуры генофонда», обеспечения «генетической безопасности народа», используемые противниками миграционных процессов, смешанных браков [15]. Красноярский историк Е.Л. Зберовская исследует социокультурную составляющую российской колонизации Сибири на основе соединения теории фронта и теории систем. Она отмечает, что «подвижная граница выступает как энтропийное поле, где происходит взаимодействие разных культурных миров» [16].

С.В. Мельникова применяет фронт как «культурно-философское измере-

ние» для интерпретации сочинений православного духовенства, которые являются классическим вариантом «сибирского текста». По ее мнению, фронт не только исторически конкретный процесс, но и «универсальная социокультурная и философская категория для социального и ментального измерения пространства». Она справедливо утверждает, что специфика сибирского фронта определялась более значимым, чем в протестантской Америке, религиозным фактором. Русская православная церковь, как государственная и господствующая конфессия, являлась непосредственным и официальным участником освоения региона, обеспечивала задачу культурной инкорпорации в Российскую империю [17].

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день в сибирской науке сложились школы на основе теории фронта: томская [18, 19], ново-сибирская [5, 6], красноярская [1, 8, 16] и другие. Фронт — это не только пространство, но культурная парадигма, «встреча-с-чужим», что позволяет исследовать проблему христианизации, ассимиляции автохтонов Сибири на основе междисциплинарного дискурса, стройно и логично обосновать региональные особенности христианизации. Рассмотрение истории коренных народов Сибири в контексте теории фронта создает важную исследовательскую перспективу.

Результаты и их обсуждение. Во второй четверти XIX в. христианизация автохтонов Сибири переместилась в православные приходы и была возложена на приходское духовенство. Приходы в Хакасско-Минусинском крае исторически формировались в контактных зонах, состав прихожан был смешанным хакасско-русским. В конце XVIII в. во всех приходах проживали крещенные хакасы, но к 1860-м гг. их доля снизилась до 60 %. В сельских приходах до конца первой четверти XIX в. шел процесс взаимодействия и взаимообмена во всех сферах жизни приходского сообщества, что объективно способствовало его интеграции. В приходах, образовавшихся во вто-

рой половине XIX в. «киселевскими» и «казенными» переселенцами (Шелаболинский, Моторский, Верхнекужебарский, Собинский и др.), новокрещенные отсутствовали или были в незначительном количестве. Для переселенцев второй половины XIX в. была характерна низкая социальная и культурная адаптированность в отличие от переселенцев XVIII – первой половины XIX в.

В Хакасско-Минусинском крае в одном приходе оказывались разные этнические и социальные группы населения, нарушалась изолированность хакасских родов и сеоков. Приходы стали фронтиром – местом контакта различных социокультурных традиций. В середине XIX в. в тридцати с лишним населенных пунктах Саянского острога – селах Бейском, Шушенском, Очурах, Тесь и деревнях Каптырево, Шунеры, Усть-Сыда и других – бок о бок проживали хакасы и русские. Прихожанами Бейской, Аскизской, Градоми-нусинской, Шушенской, Бараитской, Новоселовской, Абаканской церквей были принявшие православие бельтирцы, качинцы, койбальцы и другие. В.Т. Дадаев «с малых лет жил у русских в услугах, приобрел их обычаи», отмечается в документах. В Качинской степной думе только в 1843 г. перешли в оседлое состояние 470 человек (Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив Республики Хакасия» (НАРХ). Ф. 114. Оп. 38. Д. 10. Л. 442). В Кизильской степной думе в 1837–1850-е гг. указаны, как крестьяне, 86 хакасских семей. В 1833–1860 гг. только в одной Ужурской волости крестьянское сословие пополнилось 113 домохозяевами-инородцами [20, с. 179].

Даже некрещенные хакасы носили русские имена и фамилии. По обычаю, новорожденному давали имя первого встречного (Муниципальное казенное учреждение «Архив города Минусинска» (МГА). Ф. 17. Оп. 1. Д. 73). Н.А. Костров, член-сотрудник «Сибирского Отделения Императорского Русского Географического Общества», служивший Минусинским окружным начальником в 1855–1860 гг., писал, что северные качинцы,

крестившиеся в XVII–XVIII вв., «забыли не только родные обычаи, но и родной язык» [21, с. 3].

Возникли зоны внутреннего и внутрицивилизационного фронта – смешанные хакасско-русские поселения. В смешанных приходах происходило религиозное взаимодействие, обмен хозяйственным опытом и навыками, новые культурные традиции. Важно отметить развитый адаптационный механизм русского крестьянства, задачами которого были выживание и гармонизация отношений с окружающей средой. В отчетах Енисейской епархии о миссионерской деятельности отмечалось, что религиозные верования хакасов перенимались пришлым населением, вызывали страх, а религиозные практики в равной степени привлекали и хакасов, и русских (Извлечение из епархиального отчета о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1891 г. // Енисейские епархиальные ведомости. 1892. № 14–15. С. 18–24), известны случаи обращения русских к шаманам [21].

Хакасский ученый-тюрколог, филолог С.Д. Майнагашев (1886–1920), исследуя шаманизм хакасов, отметил его трансформацию под влиянием православия. Поскольку две религии не противопоставляются друг другу, а перерождаются в другую, «более одухотворенную». Дух, покровитель человека с момента его рождения – «Ымай», под влиянием христианских идей трансформировался в Ангела-хранителя [22].

Православные приходы являлись не только зоной взаимодействия, но и конфликта. Причинами столкновения местного населения и русских людей выступали территория пушного промысла, вопросы землепользования, управления и др. (НАРХ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 13; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 796. Л. 6–6 об.). Вместе с тем конфликт имеет объединительные функции, так как это означает, что имеется общий объект спора. Это механизм приспособления к новым условиям [16, с. 283–284]. Последствия конфликта всегда двойственные, в данном случае процесс консолидации и самоидентифика-

ции хакасского народа замедлился, но одновременно, внутриэтнические различия постепенно стирались, ускорились ассимиляционные процессы, но на иной культурно-религиозной основе.

Во второй половине XIX в. в Хакасско-Минусинском крае произошли заметные этносоциальные процессы: концентрация расселения хакасского этноса, сокращение старожильского населения, увеличение переселенцев из центральных и южных губерний России, усложнение национального состава. Межгрупповые отношения мигрантов и местных жителей стали менее комплиментарны. Низкая адаптация мигрантов второй половины XIX в. к иной этнокультурной, географической среде, трансформация этнической идентичности привели к переменам приходской жизни: отток новокрещеных прихожан из смешанных приходов, сокращение количества смешанных приходов в три раза, образование приходов ясачного населения.

Заключение. Природно-географические условия Хакасско-Минусинского региона, миграционные процессы, культурные и религиозные особенности, а также развитая система местного самоуправления помогли сохранить самобытность, духовные традиции и кровнородственные связи коренных народов. Под влиянием совокупности факторов приходские общины РПЦ формировались в контактных зонах. В приходах оказывались разные этнические, социальные группы населения, они стали зонами цивилизационного и внутрицивилизационного фронтиров: межрелигиозное, межэтническое, внутриэтническое, социальное и культурное взаимодействие и распространение православия. Таким образом, обращение в христианство хакасов происходило не только и не столько в результате целенаправленной деятельности РПЦ, а преимущественно посредством контактов коренного и пришлого населения в зонах «фронтира» – низовых структурах РПЦ.

Список источников

1. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 31 с.
2. Конев А.Ю. Историографические и методологические грани сибирского «фронтира» // Исторический вестник. 2023. Т. 44. С. 270–285.
3. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–1 (72). С. 182–193.
4. Теория фронта и ее применение в отечественной исторической науке / А.А. Газиева, М.М. Вагабов, М.Н. Фархшатов [и др.] // Вопросы истории. 2023. № 12–3. С. 118–123.
5. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. / Д.Я. Резун, В.А. Ламин, Т.А. Мамсик [и др.]. Новосибирск, 2001. 113 с.
6. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Д.Я. Резун, В.А. Ламин, Т.А. Мамсик [и др.]. Новосибирск, 2003. Вып. 3. 128 с.
7. Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101–118.
8. Гришаевские чтения: материалы IV Национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева (Красноярск, 11–12 нояб. 2021 г.) / Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2022. 203 с.

9. Атанов Н.И. Кяхтинский фронт в XVIII–XXI веках: опыт прорывного развития предков // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2021. № 4. С. 3–9.
10. Ралица С. «Миграция: состояние фронта» как есть // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 2. С. 11–15.
11. Якушенков Н.С. Фронт как культурная парадигма // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42). С. 288–298.
12. Косторниченко В.Н., Сирватко П.А. Фронт: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк) // США & Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 2. С. 72–89.
13. Топчиев М.С., Дрягалов В.С. Особенности религиозной трансгрессии на фронте // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4 (45). С. 257–260.
14. Юрганова И.И. Русская православная церковь в Восточной Сибири: от фронта до окраины // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 3. С. 32–41.
15. Овчинников А.В. Символический предел фронта: «генофонд народа» и миграции в прошлом и настоящем // Журнал фронтальных исследований. 2020. № 2. С. 60–76.
16. Зберовская Е.Л. Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронта // Вестник КрасГАУ. 2013. № 12 (87). С. 280–285.
17. Мельникова С.В. Человек фронта в сочинениях сибирского православного духовенства // Литература Сибири в социокультурном пространстве: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Василия Прокопьевича Трушкина / отв. ред. Ю.М. Брюханова. Иркутск, 2022. С. 93–102.
18. Европейские исследования в Сибири // Американский и сибирский фронт: материалы Всероссийской научной конференции (Томск, 6–8 февр. 2001 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 3. 256 с.
19. Европейские исследования в Сибири: материалы Региональной научной конференции (Томск, 10–11 дек. 1999 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. Вып. 2. 148 с.
20. Шерстова Л.И. Тюркский этнический компонент в составе русских Южной Сибири (XVII–XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 176–182.
21. Костров Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. 117 с.
22. Майнагашев С.Д. Борьба с шаманизмом в Минусинском крае // Сибирь. 1913. 20 дек.

References

1. Xromy`x A.S. Russkaya kolonizaciya Sibiri poslednej treti XVI – pervoj chetverti XVII veka v svete teorii frontira: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2008. 31 s.
2. Konev A.Yu. Istoriograficheskie i metodologicheskie grani sibirskogo «frontira» // Istoricheskij vestnik. 2023. T. 44. S. 270–285.
3. Soboleva T.N., Bobrov D.S. Sovremennaya rossijskaya istoriografiya koncepcii frontira // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 4–1 (72). S. 182–193.
4. Teoriya frontira i ee primenenie v otechestvennoj istoricheskoy nauke / A.A. Gazieva, M.M. Vagabov, M.N. Farxshatov [i dr.] // Voprosy istorii. 2023. № 12–3. S. 118–123.
5. Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv. / D.Ya. Rezun, V.A. Lamin, T.A. Mamsik [i dr.]. Novosibirsk, 2001. 113 s.

6. Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe / D.Ya. Rezun, V.A. Lamin, T.A. Mamsik [i dr.]. Novosibirsk, 2003. Vy`p. 3. 128 s.
7. Shilovskij M.V. Frontir i pereseleniya (sibirskij opy`t) // Frontir v istorii Sibiri i Severnoj Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe. Novosibirsk, 2003. Vy`p. 3. S. 101–118.
8. Grishaevskie chteniya: materialy` IV Nacional`noj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj pamyati doktora istoricheskix nauk, professora, zaslužennogo rabotnika vy`sshej shkoly` Vasiliya Vasil`evicha Grishaeva (Krasnoyarsk, 11–12 noyab. 2021 g.); Krasnoyarskij gosudarstvenny`j agrarny`j universitet. Krasnoyarsk, 2022. 203 s.
9. Atanov N.I. Kyaxtinskij frontir v XVIII–XXI vekax: opy`t prory`vnogo razvitiya predkov // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. E`konomika i menedzhment. 2021. № 4. S. 3–9.
10. Ralicza S. «Migraciya: sostoyanie frontira» kak est` // Zhurnal frontirny`x issledovaniy. 2021. № 2. S. 11–15.
11. Yakushenkov N.S. Frontir kak kul`turnaya paradigma // Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura. 2015. № 1 (42). S. 288–298.
12. Kostornichenko V.N., Sirvatko P.A. Frontir: genezis, osnovny`e polozheniya, razvitiye (istoriograficheskij ocherk) // SShA & Kanada: e`konomika, politika, kul`tura. 2021. № 2. S. 72–89.
13. Topchiev M.S., Dryagalov V.S. Osobennosti religioznoj transgressii na frontire // Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura. 2015. № 4 (45). S. 257–260.
14. Yurganova I.I. Russkaya pravoslavnaya cerkov` v Vostochnoj Sibiri: ot frontira do okrainy` // Severo-Vostochny`j gumanitarny`j vestnik. 2022. № 3. S. 32–41.
15. Ovchinnikov A.V. Simvolicheskij predel frontira: «genofond naroda» i migracii v proshlom i nastoyashhem // Zhurnal frontirny`x issledovaniy. 2020. № 2. S. 60–76.
16. Zberovskaya E.L. Sociokul`turny`e aspekty` osvoeniya Sibiri v kontekste teorii frontira // Vestnik KrasGAU. 2013. № 12 (87). S. 280–285.
17. Mel`nikova S.V. Chelovek frontira v sochineniyax sibirskogo pravoslavnogo duxovenstva // Literatura Sibiri v sociokul`turnom prostranstve: materialy` Vserossijskoj (s mezhdunarodny`m uchastiem) nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vasiliya Prokop`evicha Trushkina / otv. red. Yu.M. Bryuxanova. Irkutsk, 2022. S. 93–102.
18. Evropejskie issledovaniya v Sibiri // Amerikanskij i sibirskij frontir: materialy` Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Tomsk, 6–8 fevr. 2001 g.). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001. Vy`p. 3. 256 s.
19. Evropejskie issledovaniya v Sibiri: materialy` Regional`noj nauchnoj konferencii (Tomsk, 10–11 dek. 1999 g.). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000. Vy`p. 2. 148 s.
20. Sherstova L.I. Tyurkskij e`tnicheskij komponent v sostave russkix Yuzhnoj Sibiri (XVII–XX vv.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2023. № 83. S. 176–182.
21. Kostrov N.A. Yuridicheskie oby`chai krest`yan-starozhilov Tomskoj gubernii. Tomsk, 1876. 117 s.
22. Majnagashev S.D. Bor`ba s shamanizmom v Minusinskom krae // Sibir`. 1913. 20 dek.

Информация об авторах:

Валентина Нестеровна Асочакова, профессор кафедры истории, доктор исторических наук, доцент

Надежда Яковлевна Артамонова, профессор кафедры истории, доктор исторических наук, профессор

Information about the authors:

Valentina Nesterovna Asochakova, Professor at the Department of History, Doctor of Historical Sciences, Docent

Nadezhda Yakovlevna Artamonova, Professor at the Department of History, Doctor of Historical Sciences, Professor

